

Лесса Каури

СКАЗКИ ТИКРЕЙСКОЙ ЗЕМЛИ

книга вторая

ЛАСУРСКИЕ ХОРЬКИ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
К30

Лесса Каури

К30 Ласурские хорьки / Лесса Каури. — М.: Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 358 с. — (Сказки Тикрейской земли).

ISBN 978-5-521-91160-8

«Моё солнышко с рысьими глазами!» — звала её мама. Но однажды «солнышко» ослепило Первого советника самого асурха, и тот возжелал видеть её Третьей-женой-на-ложе. Слава богам, Вителья Таркан ан Денец обладала врождёнными магическими способностями, что позволило родителям отправить дочь в Драгобужский университет, на время отдалив необходимость выходить замуж.

Пять лет обучения пролетели, как один день, и Ожерелье признания, застёгнутое на шее невесты женихом, вновь мешает дышать, напоминая об унижении, которым Вита видит этот брак. Желая оказаться от Первого советника как можно дальше, она бежит в Ласурию, надеясь на родственников по материнской линии и обретение жизни, достойной свободной женщины, боевого мага и целительницы в одном лице. Разношёрстная компания, случайно встретившаяся на пути, при непосредственном участии волшебницы пополняется такими экземплярами, от которых добропорядочные граждане держатся подальше, запирают двери на все замки и читают охранные молитвы. Они идут, Ласурские хорьки...

Самая отвязная компания по эту сторону Тикрейского пролива!

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91160-8

© Лесса Каури, текст, 2021
© Палитра Ваших Фантазий,
иллюстрация на обложке, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Ласурские хорьки

о границы с Ласурией оставалось каких-то девять дней пути, когда Вителья Таркан ан Денец ощутила безотчетную тревогу. Стоя у засиженного мухами зеркала в комнатухе на втором этаже единственной таверны в этом богами забытом городишке, она рассматривала свое тонкое лицо, брови вразлет и зеленые немного раскосые, «рысьи», как говаривала ее мать, Софина Доли ан Денец, глаза. Но взгляд стремился к шее, охваченной Ожерельем признания, больше похожим на ошейник, что надевают волкодавам асуриха — огромным песчаного цвета псам, свободно разгуливающим по его дворцу. За пять лет учебы в Королевском магическом университете имени драгобужского архимагистра — Драгодруга, Синих гор мастера — Вителья не нашла способа снять ожерелье без вреда для своих здоровья и жизни.

В памяти снова возникли залитые солнцем улицы Крей-Тона, столицы Крей-Лималля, по которым красавицы-жены проносили в закрытых паланкинах своих

обожаемых мужей. Тонкие полотнища одежд очерчивали изгибы соблазнительных женских тел, открывая глазам зевак зачарованные Ожерелья признания — простые или украшенные чеканкой и драгоценными камнями, вязью слов любимых поэтов господина, изображениями его лучших жеребцов или дойных коров... Бесконечные вереницы покорно потупивших взор женщин снились Вите в первые годы университетской жизни каждую ночь, заставляя просыпаться с криком ужаса. Потому что в их чередѣ всегда находилось пустое место — для самой Вительи Таркан, нареченной Третьей женой-на-ложе Первого советника асурха Самсана Данира ан Третока.

Советник был немолод, но полон сил и той ярости к жизни, что заставляет слуг падать ниц, врагов — бежать, а друзей — трепетать даже в приятных разговорах о любовных утѣхах и охоте. Этот вечно потеющий толстяк однажды появился в доме родителей Виты по приглашению отца — владельца двух сталеплавильных цехов и нескольких горнодобывающих шахт на границе Крей-Лималля и Драгобужья. С тех пор неприятный гость зачастил, а в один из визитов преподнес госпоже Софине Дали ожерелье для дочери. Отказать Первому советнику — все равно что отказать самому асурху! Родители были вынуждены согласиться на брак, хотя Вита, которой в ту пору исполнилось пятнадцать, отнеслась к жениху с откровенной враждебностью. Представить себя в его постели ей казалось омерзительнейшим из омерзительного, а носить рабский ошейник — унижением сродни публичной порке. К слову сказать, мать Виты такого украшения не носила: брак ее, в девичестве Софины Рю Кароль, ласурской графини, и Тарка-

на Арина ан Денеца заключался по любви и полнился ею до сих пор.

Посоветовавшись, родители сообщили уважаемому жениху, что желают ввести в его дом не просто красивую, но образованную жену, и спешно отправили дочь учиться в соседнюю страну — в один из лучших университетов на материке. Опекуном Виты стал друг ее отца, гном Тукотрин, Серой скалы мастер.

Ан Треток дал свое согласие, ведь жена-целительница лишь подчеркнет его высокий статус. Но, помня о своенравии девчонки, похожей на дикую лань, пожелал перед отъездом лично застегнуть на ее шее ожерелье, снять которое теперь мог только он, и активировать заклятье. После этого оставалось ждать, когда закончится обучение девушки. А ждать советник умел. Ждать и вожделеть, представляя, как через пять лет на его ложе возляжет не угловатый полный прелести подросток с острыми грудями и коленками, а расцветшая молодая женщина, чей сок еще не испит, а бутыль не откупорена. И тогда он, Самсан Данир, приникнув к источнику, будет пить из него долго и жадно... до тех пор, пока ему не надоест и не придет время брать четвертую жену.

Страшась собственной участи, Вителья университетские годы не торопила. От отца ей достался ум, от матери — красота, усидчивость и немалые способности к магии. Целительство ей удавалось: она с легкостью определяла местонахождение Источников Силы и, заимствуя их энергию, делилась ею с немощными и больными города Грапатука, в котором располагался университет. Уже с первого курса Вита подрабатывала помощником целителя в городских больницах и прию-

тах. Однако душа жаждала большего — стать тем, кому никто не посмеет угрожать, кого никто не решится обидеть, — боевым магом. И однажды девушка собралась с духом: записалась на аудиенцию к ректору и получила разрешение посещать параллельный курс.

В то время как однокашники вовсю крутили романы и наслаждались раздольем студенческих лет, Вителья зубрила теорию, занималась дополнительно со старшекурсниками и младшими магистрами факультета боевой магии, допоздна засиживалась в библиотеках или тренировалась на учебной арене, до изнеможения бросая заклинания, становящиеся курс от курса все опаснее.

Полученные знания, а главное, умения действительно делали ее увереннее в себе. Хрупкая маленькая Вита не боялась поздними вечерами в одиночку ходить по улицам города: поджечь подошвы сапог хулиганам, наколдовать им на головы ведро горячей картошки или натравить пчелиный рой было для нее гораздо легче, нежели смириться с тем, что скоро придется стать Третьей женой — подумать только! — Первого советника. Близился выпуск, и юная волшебница становилась все молчаливее и мрачнее. Но незадолго до экзаменов она получила письмо от матери, которое все изменило.

«Моя девочка, — писала Софина Доли ан Денец, — мне невыносимо думать, что ты станешь женой против своей воли! Отправляя тебя в университет, мы с отцом надеялись, что Первый советник потеряет к тебе интерес и за пять лет обязательно найдет себе кого-нибудь на замену, ибо ложе важного вельможи не терпит пустоты. Однако ты оставила след в его сердце! Недавно Самсан Данир навестил нас и напомнил об обяза-

тельстве выдать тебя замуж, едва ты вернешься с учебы. Твои успехи в целительстве только порадовали его.

Витенька, отец не знает об этом письме. Он гражданин своей страны, сын своего народа, и нельзя винить его за это. Он поступит так, как велит ему долг, — отдаст тебя Ан Третоку! Твои братья не станут препятствовать ему.

А я... Может быть, я делаю чудовищную ошибку, предлагая тебе выбор: вернуться домой или бежать в Ласурию. Надеюсь, что твое чутье подскажет правильный путь. Да поможет тебе Пресветлая, веру в которую я до сих пор тайно ношу в сердце, несмотря на пройденный обряд Пантеона!

Прилагаю к этому письму еще одно — моему старшему брату, графу Жаку Рю Каролю, с просьбой предоставить тебе убежище и позволить жить так, как хочет твое сердце. А мое обливается кровью оттого, что я могу больше никогда не увидеть тебя... Только пусть это никак не повлияет на твое решение, Витенька! Когда-то я последовала за Тарканом и не пожалела об этом. Но я могла выбирать, а тебя этого лишили законы страны, в которой ты родилась.

Я перевела некоторую сумму денег на твой университетский счет и другую, гораздо более крупную, на счет, открытый через подставное лицо в Королевском банке Вишенрога. Жак, с которым мы не теряли связи все эти годы, поможет тебе обустроиться на первых порах. Если ты выберешь стезю мага, было бы хорошо поступить адептом в один из ласурских орденов, дабы оттачивать навыки и заниматься научной работой...

Сожги это письмо, как только прочитаешь его! Не буду объяснять тебе, зачем это нужно. И помни: ты —

моя единственная дочь, моя плоть и кровь, я люблю тебя и буду любить, даже если мы больше не свидимся. Твое счастье важнее моих слез по тебе, Витенька! С надеждой буду ждать от тебя весточку, если решишь бежать.

Целую тебя нежно, мое солнышко с рысьими глазами! Люблю тебя».

Письмо было настолько созвучно чаяниям Виты, будто она написала его сама. Со свойственным юности легкомыслием она отринула страх больше не встретиться с матерью и словно в омут нырнула в представившуюся авантюру. Будучи одной из лучших учениц курса, Вителья без труда добилась разрешения сдать выпускные экзамены на пару недель раньше, ссылаясь на приготовления к будущей свадьбе. А затем отбыла из университета в неизвестном направлении, заверив подруг, что уехала домой.

Она на самом деле проехала несколько переходов в сторону Крей-Лималля то с одним торговым караваном, то с другим, не привлекая к себе внимания: странствующие волшебницы не были редкостью для деловитого Драгобужья. А потом Вита в прямом смысле слова исчезла: пользуясь заклинанием невидимости, сменила караван и вернулась к перекрестку, где проходил тракт в Ласурию. Дороги избегала, шла лесом, а ночевала на деревьях: боялась не столько волков, сколько того, что уснет и не успеет разогнать их каким-нибудь заклинанием Школы огня. Ловкости девушке, выросшей с четырьмя братьями, было не занимать. Еду она покупала в попадающихся на пути деревеньках или охотилась сама: владеть луком Виту учил отец, которого сам асурх брал с собой пострелять озерных птиц.

Неудобство доставляла лишь... грязь. Простейшие бытовые заклинания избавляли от пыли на одежде и сапогах, но как образованной девушке позабыть о желании понежиться в теплой ванне, вымыть голову и умаслить волосы ароматными благовониями, надеть чистое? На тридцатый день пути волшебница сдалась. Остановилась в первом попавшемся городке с общественной мыльней, сняла в трактире номер подешевле, зато не скупилась на баню, выкупив на несколько часов отдельную купальню. Нынче утром она разглядывала себя в зеркале — розовую со сна, с блестящими вымытыми волосами, волной распущенными по плечам, и... беспокоилась, хотя сама не понимала почему. Очевидным было лишь то, что пора прикупить припасов в дорогу и поскорее убираться отсюда!

Тяжело вздохнув, волшебница достала из заплечной сумки свежую рубаху с длинными рукавами и высоким воротом на шнуровке — чтобы скрыть ожерелье. Привычным жестом скастовала заклинание чистоты на брюки, короткую куртку и сапоги и оделась.

Выстиранные с вечера предметы туалета, развешанные на спинке стула, были еще влажными. Поморщившись, Вита подсушила их с помощью облегченной версии заклинания, известного как «Буря в пустыне», аккуратно сложила и убрала в сумку.

Чувство опасности неожиданно стало таким явным, что по спине побежали мурашки. Была бы Вителья кошкой — зашипела бы и изогнулась, приготовившись к атаке.

Подхватив мешок, она бросилась к двери, распахнула ее и... впечаталась лицом в чью-то внушительную грудь. Девушку откинуло обратно в комнату, но на ногах она

удержалась. Машинально вытянув правую руку перед собой, Вита вызвала на ладонь танцующий огненный шар.

Через порог по очереди быстро зашли пятеро мужчин, и в комнате сразу стало тесно. Высокий беловолосый оборотень метнулся к окну, осторожно выглянул.

— Какая красавица! — улыбнулся второй из вошедших — молодой парень с яркими карими глазами. Говорил он на фирли — наречии, распространенном и в Ласурии, и в Драгобужье. Вита знала этот язык: благодаря матери он был для нее родным наравне с крейским. — Если бы я проведал, что ты тут живешь, зашел бы скоротать вечерок!

— Помолчи, Фарки, — проворчал третий незванный гость, оказавшийся гномом, и, скинув капюшон, вежливо поклонился Вите. Из-за его плеча выглянул и сразу же спрятался еще один гном, совсем молодой. — Просим нас простить, госпожа волшебница, за причиненное беспокойство, но ваше окно очень удачно ведет наружу!

Окно действительно выходило на более низкий скат крыши над хозяйским хлевом, располагавшимся на заднем дворе. Прислушиваясь к звукам снизу — топоту подкованных сапог и грубым окрикам, — девушка лихорадочно соображала. Волшебница, путешествующая в одиночестве, могла бы послать в Проклятую трясину любого любопытного, кроме официально облеченного властью лица, например, офицера стражи, который имел полное право потребовать документы. Поэтому Вителе не было никак нельзя было попасться стражникам, нередко устраивающим облавы в придорожных трактирах.